

Liudmyla Deineko, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Industrial Policy in State Organization “Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine” (Kyiv, Ukraine)

Olena Tsyplitska, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Scientific Officer of the Department of Industrial Policy in State Organization “Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine” (Kyiv, Ukraine)

INSTITUTIONAL DETERMINANTS OF INDUSTRIAL POLICY: WORLD COUNTRY-CLUSTER ANALYSIS

Abstract: *Industrial policy plays a great role in modern strategies of economic development due to global challenges and increasing world competition. The goal of the paper is the determination of institutional factors of industrial policy implementation and groups of countries with the similar institutional environment using cluster analysis. The institutional determinants defining industrial development include cultural values (indulgence vs restraint, long-term orientation vs short-term orientation), prevalence of Putnam’s social groups, governance effectiveness and democracy regime, low level of corruption, efficient legislation, liberal base of economy, and high level of property rights protection. These determinants can be represented in 8 world indicators calculated by international organizations and G. Hofstede: 1) the level of society liberalization score; 2) society long-term orientation score; 3) Democracy Index; 4) Corruption Perception Index; 5) Property Rights Index; 6) Ease of Doing Business Rank; 7) Institutions index as a component of Global Index of Competitiveness; 8) Government Effectiveness (WGI). On the appropriate data of 76 countries of the world we obtained 9 clusters of countries with similar institutional parameters for industrial policy implementation. 2 groups contain highly developed countries; 4 groups contain predominantly transformation economies, and 3 groups consist of developing countries with low and low-middle income. As it turned out these countries have also similar macroeconomic indicators and some other institutional aspects like religion and trust in government. The distinction of countries on their institutional indicators is a base for development of the certain type of industrial policy (technological modernization, innovative, protectionism etc.), which is aimed on the dynamic industrial development.*

Keywords: *industrial policy, economic and political institutes, social institutes, cultural institutes, cluster analysis, institutional determinants, economic development*

Людмила Дейнеко, доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом промышленной политики Государственного учреждения «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины» (г. Киев, Украина)

Елена Цыплицкая, кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник отдела промышленной политики Государственного учреждения «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины» (г. Киев, Украина)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ СТРАН МИРА

Актуальность исследования

Мировые тенденции свидетельствуют о сокращении доли промышленности в мировом ВВП за счёт увеличения третичного сектора. За двадцать лет (1996-2016) доля промышленности в мире сократилась на 4,7% и составила в 2016 году 29,2% от мирового ВВП. Наиболее быстрыми темпами она сокращается в «старых» индустриальных странах, в частности, Европейского Союза (ЕС). Если в 1991 году она составляла 31%, то в 2016 году – 24,5% (для сравнения в США – 14,8% в 2017 году). В Украине доля промышленности в ВВП за период 2010-2017 гг. колебалась в диапазоне от 19,8% (2012 г.) до 22,6% (2010 г.). По состоянию на 2017 г. она составила 21,7%. Но, как показал мировой финансовый кризис, альтернативы индустриальному развитию как драйверу экономического роста, у экономик мира нет [Дейнеко Л., 2018].

Так, стратегия ЕС «Европа 2020» главным приоритетом устанавливает именно промышленную политику. Первоочередной её целью было преодоление технологического отставания от США, но со временем она стала вызовом глобализации вследствие потери позиций на мировых рынках, создания единого рынка, которые требуют модернизации промышленного производства и продукции в пользу усиления конкурентоспособности.

В новых индустриальных странах, которые в ходе модернизации сразу опирались на промышленное производство, особенно на его высокотехнологические сектора, темпы роста промышленности значительно превышают темпы роста сектора услуг и сельского хозяйства (Таиланд, Сингапур, Малайзия, Корея, Индонезия, Китай). Теми же тенденциями характеризуются Индия, Аргентина, Чили, Мексика и Турция. Исследования свидетельствуют, что такого успеха страны достигли благодаря проведению соответствующей промышленной политики.

Очевидно, что исторический опыт этих стран является уникальным. Однако, несмотря на убеждения многих исследователей, что универсального рецепта для формирования индустриальной стратегии и применения конкретного набора ее инструментов, который гарантировал бы успешность, не существует, можно предположить, что для групп стран с общими институциональными признаками можно создать общую концептуальную основу для формирования и реализации определенного типа промышленной политики.

Цель исследования

Целью исследования является определение институциональных детерминант формирования промышленной политики и на их основе – групп стран мира со схожей институциональной средой.

Определение институциональных детерминант промышленной политики

Институциональные параметры социально-экономической системы, для регулирования которой формируется определённый тип промышленной политики, характеризуются культурно-историческими, социальными, политико-правовыми и экономическими показателями. Они представляют собой совокупность формальных и неформальных правил, которые опосредованно, через институциональные механизмы, обуславливают экономическую динамику (рис. 1).

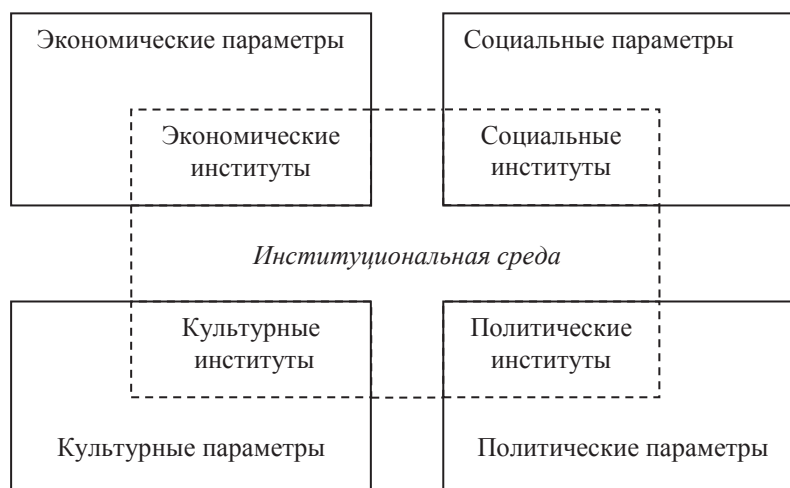

Рис. 1. Формирование институциональной среды экономики через призму экономического, социального, культурного и политического измерения параметров социально-экономической системы

Источник: разработка авторов

Неформальные институты включают культурно-исторические ценности и традиции, социальные нормы и правила. Формальные предусматривают политические, правовые и экономические институты, созданные государством. Государство выступает ключевым институтом, который может обеспечить определённую институциональную среду для развития промышленности и выработать для неё взвешенную экономическую политику.

Промышленная политика реализуется через совокупность таких мер, как регулирования прав собственности; обеспечение доступа к финансовым ресурсам; политика по отношению к рынку земли и природных ресурсов, к рынку труда, рынкам сырья, материалов и оборудования; налоговая политика и др. Конкретный набор мер и их содержание определяются целями и задачами промышленной политики государства. А последние, в свою очередь, вытекают из её долгосрочной стратегии развития, основывающейся на системе тех институтов, которые в обществе уже сформированы, и с учётом тех, которые необходимо устранить (заменить) или внедрить.

Права собственности, система законодательства и принудительного выполнения контрактов, а также макроэкономическая стабильность – все они являются продуктами политического и демократического выбора [Weingast V. R., 2009]. Поэтому степень принуждения и насилия в государстве будет определять успешность реализации реформ, учитывая реактивность его граждан и бизнеса. При росте насилия наблюдается так называемый «феномен Тилли» [Тилли Ч., 2009] – сопротивление общества росту власти над собой, что наблюдается и в промышленности Украины – сопротивление предприятий господству государства в виде формальных институтов. Тогда они создают собственную систему правил и норм, только делая вид, что подчиняются государству. Это влечёт за собой уклонение от налогов и ведение «двойной» бухгалтерии, подкуп чиновников и финансовые махинации.

Непринудительным механизмом соблюдения законодательства является механизм доверия (передача контроля в неявной форме). За период 2016-2017 гг. доля опрошенных, доверяющих украинскому правительству, составила лишь 11%. Для сравнения в Греции – 14%, в Польше – 50% [Human Development Indices and Indicators, 2018]. В таких условиях формируется неявный оппортунизм, в результате которого имеет место девиантное поведение рыночных агентов, поставленные цели не достигаются, а реформы обречены на провал. Поэтому промышленная политика должна учитывать интересы производителей и рынка, прежде всего, основываться на демократических принципах, а не стремиться к стяжательским мерам за счёт бизнеса.

Значительный массив исследований свидетельствует про положительную связь между демократией и экономическим ростом в стране [Heshmati A., Kim N.-S., 2017]. Однако эта связь, как и между другими институтами и экономическими процессами, является более сложной, чем считалось раньше. Например, аффилированные производства мультинациональных компаний расположены в наименее развитых странах, вероятно потому, что им удобнее функционировать в сложных политических условиях, сопровождаемых высоким уровнем коррупции, социальной нестабильностью и незащищенностью граждан, рентоориентированной направленностью политических решений. В то же время, уровень коррупции в странах зависит и от культурных ценностей и связан с ориентацией общества на индивидуализм или коллективизм, а также со стремлением избежать неопределённости [Grein A., и др., 2010]. Г. Хофстеде [Hofstede G., и др., 2010] выделяет 6 измерений культуры общества: равенство (против неравенства); коллективизм (против индивидуализма); избегание неопределённости (против толерантности); «мужской» тип общества (против «женского»); стратегическое мышление (краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее); потакание желаниям (против сдержанности).

В указанном исследовании показатели культуры были оценены для ряда стран, в том числе и для Польши, Украины, постсоциалистических стран. Они являются основой, помогающей понять, какие политические решения – реформационные или консервативные, могут быть успешно внедрены в данных обществах, исходя из его настроений. По сути, они представляют собой базовые общественные институты, включая религию, которые обуславливают функционирование мотивационных механизмов в экономике, приводят к промышленному росту и развитию.

Ориентация на краткосрочную перспективу означает для общества ценность традиционных методов управления, много внимания при этом уделяется развитию отношений, отличительной чертой является низкая готовность подчиняться. Главенствующий принцип таких обществ – то, что не может быть сделано сегодня, может быть сделано завтра. При долгосрочной ориентации социум ориентирован на будущее, на достижение целей и высоко ценит результаты. В то же время он более склонен к подчинению, патернализму. Это частично объясняет и разные эффекты от использования инструментов промышленной политики в разных странах. В обществах, где преобладает сдержанность, строгие нормы и правила, в них сложно внедрять инновации, поскольку потребности неизменны. Общества, склонные к переменам, в которых превалирует потакание своим желаниям, более склонны к переменам, легче воспринимают реформы.

Украина по первому показателю имеет значение в 86 баллов (для сравнения США – 26, Польша – 38). Это свидетельствует о высоком уровне стратегического мышления, по которому Украина находится рядом с такими странами, как Германия (83 балла), Китай (87 баллов), Япония (88 баллов). Другой её показатель составляет лишь 14 баллов (США – 68, Польша – 29). Чем выше значение, тем либеральнее общество.

Изучая настроения и культуру обществ через призму интересов отдельных групп, оно может быть разделено на две категории – «группы Патнема», целями которых являются достижение общественных выгод, сотрудничество, координация действий, повышение «прозрачности» власти; и «группы Олсона», преследующие собственные цели, создающие и распределяющие блага исключительно между членами клуба. Отдельные исследования [Длугопольский О., 2012] подтверждают, что в странах с развитой институциональной средой, высоким уровнем доверия к власти и значительным ВВП на душу населения доминируют «группы Патнема».

Важным аспектом культурной составляющей институциональной среды является согласованность действий предпринимателей, промышленников с общественными и религиозными установками. Мировоззренческие системы, основанные на религии, и их смена запускают новые циклы индустриального развития. Протестантизм как новая мировоззренческая система, придя на смену средневековой системе, содействовал индустриализации в государствах с большой численностью своих адептов. Абсорбирование идей либерализации и демократических принципов управления государством обеспечили этой системе успешность и устойчивость. М. Вебер, Д. Ландес [Landes D., 1998] акцентировали на важности общей культуры общества в создании предпосылок для успешного промышленного развития в Северной Европе, изучая роль протестантской этики. По их мнению, католическая и исламская религии, наоборот, оказались вредительскими по отношению к институциональному развитию.

Поступательное развитие промышленности также зависит от уровня защиты прав собственности. Слабая защита прав собственности, с одной стороны, побуждает к поиску новых доходов, которые приобретают форму ренты, получаемой вследствие ограниченного доступа к ресурсам, и снижает стимулы развивать более высокие уровни переработки продукции, если такая рента является бессрочной. С другой стороны, наличие такой ренты обеспечивает устойчивую заинтересованность в слабой защите прав собственности, что представляет собой институциональную ловушку. Неотъемлемым атрибутом рентоориентированного поведения является и достаточно высокий уровень

коррупции, который, сопровождаемый чрезмерной налоговой нагрузкой. По мнению В. Полтеровича [Полтерович В., 2001], это приводит к уменьшению темпов экономического роста и негативно влияет на уровень инвестиций, однако общая полезность при таких условиях может возрасти, что порождает ситуацию, в изменении которой никто не заинтересован, а значит, это приведёт к сопротивлению к реформам.

Таким образом, институциональный режим государства, способного к стимулированию промышленного развития, должен включать: наличие соответствующих культурных ценностей и групп интересов в обществе; эффективность и демократичность правления, отсутствие коррупции и других институциональных ловушек; эффективную правовую систему, обеспечивающую верховенство права и качественное регулирование; либеральные основы хозяйствования как условие для низких ограничений на проведение реформ; высокую защиту прав собственности.

Методология кластерного анализа стран мира

В исследованиях межстрановых разрывов, макроэкономических, институциональных и других влияний на уровень промышленного развития стран, всё чаще используются методы многомерной группировки объектов [Айвазов С., 2012; Дзюбановская Н., 2016; Кузнецова Н., 2015]. В контексте оценки условий для формирования и реализации промышленной политики, многомерная классификация позволяет определить группы однородных стран по совокупности показателей. Наиболее адекватным методом, исходя из целей данного исследования, выступает кластерный анализ. Он предусматривает такие этапы: 1) формирование выборки для кластеризации; 2) определение множества переменных, по которым будут оцениваться объекты в выборке; 3) исчисление значений той или иной меры подобия между объектами; 4) применение кластерного анализа для создания групп стран; 5) проверка достоверности результатов кластерного решения.

Учитывая недостаточную разработанность методологических основ применения кластерного анализа к группировке стран и небольшой массив существующих публикаций, в ходе данного исследования были учтены такие требования к отбору переменных:

1. Научная обоснованность и релевантность. Состав переменных должен отвечать предмету и цели исследования.
2. Объективность. Принцип предусматривает использование стандартных переменных для обобщения характеристик экономических параметров стран.
3. Комплексность отображения явления в статистических данных. Исследуемое экономическое явление должно быть описано набором показателей, максимально учитывающим все его аспекты.

4. Достаточность. Для политегической классификации должны быть отобраны наиболее влиятельные и значимые показатели, меру влияния которых можно определить статистическими или аналитическими методами.
5. Соответствие статистическим требованиям: количественная измеримость, нормальность распределения, устойчивость данных, однородность выборки.

Для кластерного анализа было отобрано 76 стран мира, которые представляют выборку приблизительно 1/3 от генеральной совокупности. Выборка строилась, в первую очередь, исходя из доступности данных, а также с целью охвата различных категорий стран по уровню экономического и промышленного развития. В массив попали практически полностью те страны, для которых совершена оценка культурных ценностей по Г. Хофстеде, поскольку исследование включало немногим более 70 стран.

Методологического инструментария для создания системы индикаторов, чётко определяющих состояние и качество формальных и неформальных институтов, пока не разработано, однако существует широкий спектр интегральных показателей, которые оцениваются международными организациями и отражают отдельные аспекты институциональной среды экономик мира. В частности, Всемирный Банк разрабатывает индикаторы качества правления, лёгкости ведения бизнеса; *Economist Intelligence Unit* исчисляет индекс демократии; *Transparency International* – индекс восприятия коррупции, *The Heritage Foundation* – индекс экономической свободы, а *Property Rights Alliance* – индекс прав собственности. Поскольку институциональные индикаторы, как правило, являются качественными, то способами их оценки будут рейтингово-балльные системы, составляемые экспертами на базе статистических показателей, опросов целевой аудитории. Вместе с тем, такие индикаторы имеют ограниченное использование. Полный перечень индикаторов институциональной среды для кластерного анализа представлено в табл. 1.

Таблица 1. Описание институциональных индикаторов для кластерного анализа и источники данных

Индикатор	Описание	Обоснование	Источники данных и дата
1. Степень либерализации общества	Культурное измерение Г.Хофстеде: попустительство против сдержанности	Позволяет оценить склонность к переменам, уровень консерватизма общества. Это отражается на скорости и легкости продвижения промышленных реформ	Hofstede G. <i>Cultures and Organizations: Software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival</i> / G. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. – McGraw Hill, 2010. Год данных – 2008
2. Долгосрочная ориентация общества	Культурное измерение Г.Хофстеде: ориентация на долгосрочную или краткосрочную перспективы	Позволяет оценить способность общества к Дозволяє оцінити здатність суспільства к подчиненню и лояльність к традиционным методам управления	

3. Уровень развития демократии	Индекс демократии (<i>Democracy Index</i>), рассчитывается <i>Economist Intelligence Unit</i> на основе оценки избирательного процесса и плюрализма, гражданских свобод, функционирования правительства, политического участия и политической культуры	Отражает сразу несколько составляющих институциональной среды: общественные свободы, уровень демократии, парламентаризм	Democracy Index. The Economist Intelligence Unit. URL: https://infographics.economist.com/2018/DemocracyIndex/ Год данных – 2017
4. Уровень коррупции	Индекс восприятия коррупции (<i>Corruption Perception Index</i>), рассчитывается <i>Transparency International</i> , построен на опросе 13 разных организаций, которые специализируются на оценке правительств и бизнес-климата стран	Коррупция определяется одним из наиболее важных факторов институциональной среды экономического развития, который влияет на уровень инвестиций, доверие к властям, геополитические и геоэкономические интересы стран мира и проч.	Transparency International. URL: https://www.transparency.org/country Год данных – 2017
5. Защита прав собственности	Индекс прав собственности (<i>Property Rights</i>), который является компонентом Индекса экономической свободы, исчисляется <i>The Heritage Foundation</i> , основывается на опросах и независимых экспертных оценках	Индекс позволяет оценить меру, в которой индивиды могут свободно приобретать права собственности, в которой они защищены прозрачным законодательством, и в какой мере они его. Эта составляющая определяет способность экономики защитить инвестиции и инновации, а значит – промышленные интересы.	2018 Index of Economic Freedom. URL: https://www.heritage.org/index/explore Год данных – 2018
6. Бизнес-среда	Рейтинг легкости ведения бизнеса (<i>Ease of Doing Business Rank</i>), определяемый <i>The World Bank</i> , основан на 10 компонентах, в том числе на принуждении к выполнению контрактов (отсутствие оппортунизма) и эффективности разрешения конфликтов	Допустимость оппортунистического поведения и эффективность разрешения конфликтов – важные составляющие институциональной среды. Они влияют на своевременные поставки сырья и готовой продукции, уплату налогов и возможность защитить свои интересы в системе правовой защиты	Doing Business 2018. Reforming to Create Jobs. The World Bank. URL: http://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf Год данных – 2018
7. Государственное и корпоративное управление	Институты (<i>Institutions</i>), является компонентом Глобального индекса конкурентоспособности, исчисляемого <i>World Economic Forum</i> , агрегирует ряд показателей институциональной среды, в т.ч. социальный капитал, уровень терроризма, прозрачность бюджета, коррупция, корпоративное управление	Позволяет комплексно оценить ряд составляющих институциональной среды, в том числе и качество корпоративного управления, влияющих на эффективность государственной и производительность промышленной сфер	The Global Competitiveness Report 2018. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf Год данных – 2018
8. Эффективность правления	Эффективность правления (<i>Governance Effectiveness</i>), измеряемая <i>The World Bank</i> , демонстрирует качество публичных услуг, степень независимости от политического давления, качество формирования и реализации промышленной политики, надежность обязательства государства придерживаться этой политики, исчисляется на основе ряда показателей других организаций и изданий	Индикатор демонстрирует способность правительства принимать решения, внедрять определенную политику и нести ответственность за их последствия, что является неотъемлемым условием успешной реализации реформ и доверия к правительству	Worldwide Governance Indicators. The World Bank. URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports Год данных – 2017

Источник: составлено авторами

Выбор показателей различных организаций и измеренных по разной методике преследовал одну цель – избежать предвзятости в измерениях данных. Различные подходы к оценкам разных институциональных показателей должны объективно отразить результаты кластеризации.

Кластерный анализ был реализован в программном приложении *R* с использованием метода *k*-средних как наиболее распространённого для многомерной группировки стран.

Результаты кластерного анализа стран мира по институциональным признакам

Кластеризация стран по восьми институциональным признакам, представленным индикаторами из табл. 1, позволила выделить 9 групп стран (рис. 2).

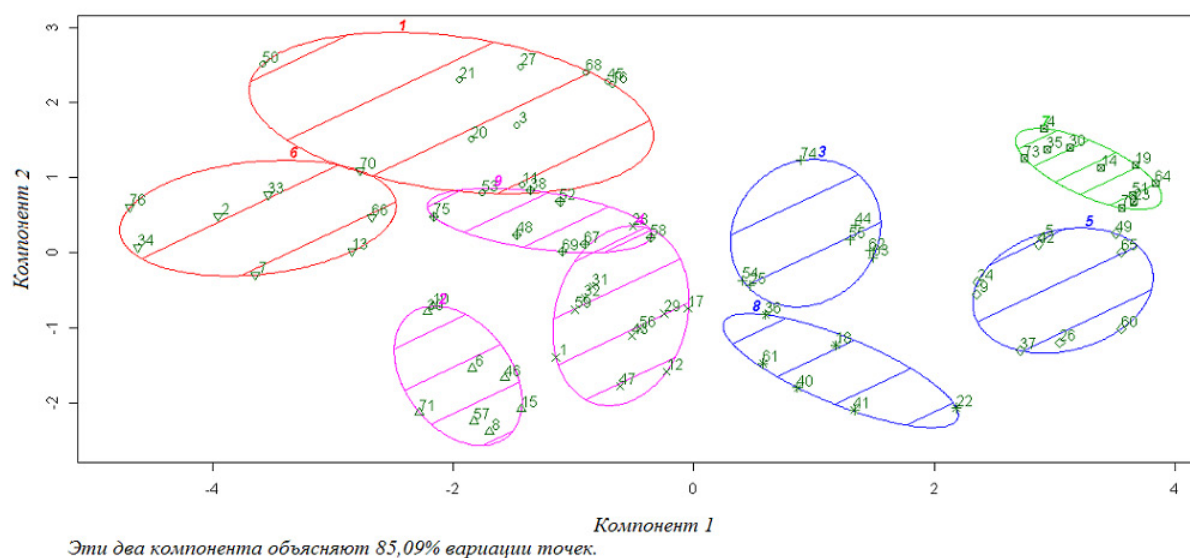

Рис. 2. 2D презентация результатов кластерного анализа стран по институциональным признакам

Источник: разработка авторов

В 2D презентации можно увидеть незначительное перекрытие некоторых кластеров, что усложнило отнесение 6 стран к каждому из них. В этом отношении были использованы экспертные методы, на основе которых страны были отнесены к тем кластерам, в которых у них значения доминирующих признаков (уровень развития демократии, бизнес-среда и эффективность правления) схожие с другими странами. В табл. 2 детализирован их состав.

Таблица 2. Кластеры стран мира по институциональным признакам

Кластер	Страны, входящие в кластер
1 (n=8)	Аргентина, Колумбия, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гана, Мексика, Нигерия, Тринидад и Тобаго
2 (n=8)	Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Китай, Кыргызстан, Молдова, Россия, Украина
3 (n=7)	Грузия, Малайзия, Польша, Португалия, Словения, Испания, Уругвай
4 (n=12)	Албания, Болгария, Хорватия, Греция, Венгрия, Индия, Индонезия, Македония, Черногория, Румыния, Руанда, Сербия
5 (n=6)	Чешская Республика, Эстония, Италия, Латвия, Литва, Словацкая Республика
6 (n=8)	Алжир, Бангладеш, Буркина-Фасо, Иран, Ирак, Танзания, Уганда, Зимбабве
7 (n=10)	Австралия, Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Ирландия, Норвегия, Швеция, Великобритания, США
8 (n=9)	Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Япония, Люксембург, Нидерланды, Сингапур, Швейцария
9 (n=8)	Бразилия, Иордания, Марокко, Перу, Филиппины, Таиланд, Турция, Замбия

Источник: составлено авторами

Такое количество кластеров оправданно, поскольку на самом деле институциональная среда развития промышленного сектора, является уникальной для каждой страны, но определенные общие черты среди стран всё же можно выделить, чтобы сделать промышленную политику и её реформы более предсказуемыми.

Первая группа включает 8 католических государств (за исключением Ганы), преимущественно из американского континента (кроме Ганы и Нигерии). У них довольно значимый размах ВВП на душу населения (от 4,4 до 31,9 тыс. дол. США). В то же время это страны с невысоким уровнем официальной безработицы (до 9%). Они – высоколиберализованные общества с краткосрочной ориентацией целей. Уровень развития демократии в этих странах выше среднего, но при высоком уровне коррупции. В них сложно вести бизнес и невысокое качество институтов и эффективность правления. Меньше половины населения этих стран склонны доверять правительству. Доля промышленности в ВВП этих стран колеблется в диапазоне 20-30%.

Второй кластер включает 8 трансформационных экономик, в том числе Украину и Китай. В большинстве государств господствует православная религия. У них невысокий уровень ВВП на душу населения, это страны со строгими общественными нормами и долгосрочной ориентацией целей. Уровень демократии в них низкий, вместе с тем высокий уровень коррупции, средний уровень защиты прав собственности и лёгкости ведения бизнеса, невысокое качество институтов и низкое качество правления. Эта кате-

гория стран характеризуется значительной вариацией уровня доверия к правительству – от 11% (Украина) до 84% (Китай).

Третий кластер составили преимущественно католические страны (кроме Грузии и Малайзии), в них преобладают традиционные взгляды, краткосрочная ориентация на будущее, высокий уровень демократии. В этих странах незначительный уровень коррупции, а защита прав собственности выше среднего уровня. В них легко вести бизнес (кроме Уругвая), и достаточно высокое качество институтов и правления. Уровень доверия к правительству в этих странах составляет 50% или ниже. Доля промышленности в ВВП в этих странах более 20%. Как известно из истории этих стран, реформы в них проводились довольно быстро и успешно.

Четвёртый кластер включает разнообразные по своему географическому положению и уровню экономического развития страны. Это государства, не попавшие в другие восемь кластеров, но их объединяют некоторые общие черты. В частности, в большинстве из них религией является православие, на втором месте – католичество. В этих странах достаточно низкий уровень либерализации общества (кроме Греции), и более долгосрочная ориентация целей (кроме Руанды). Они характеризуются не очень высоким уровнем коррупции, неплохой защитой прав собственности, значительной вариацией индикаторов ведения бизнеса, средним качеством институтов и эффективностью управления выше средней. В этом кластере наблюдается высокая поляризация уровня доверия: в семи странах (Болгария, Хорватия, Греция, Венгрия, Македония, Черногория, Румыния) он колеблется в диапазоне 14-44%, в остальных странах – от 83 до 98%.

Пятый кластер включает 6 стран Европы, из которых 5 – трансформационные экономики. У этих стран ВВП на душу населения выше среднего уровня, они преимущественно католические государства со строгими социальными нормами и долгосрочной ориентацией целей развития. Индекс демократии гораздо выше среднего уровня, но со значительным уровнем коррупции. В этих странах высокий уровень защиты прав собственности, легко вести бизнес, довольно качественные институты и высокая эффективность управления. Эти страны действительно имеют своеобразную политическую и бизнес-культуру и выбирают градуалистские, но радикальные реформы. При этом уровень доверия к правительству невысок и составляет 23-41%.

В шестом кластере находится 7 исламских и 1 протестантское (Уганда) государства. Это страны с преимущественно строгими общественными нормами и краткосрочной ориентацией целей. В них низкий уровень развития демократических институтов

и высокая коррупция, плохая защита прав собственности, сложно вести бизнес, низкий уровень управления. По уровню ВВП, достаточно низкому, выделяется три страны – Алжир, Иран и Ирак, имеющие преимущество благодаря природным ресурсам. Вариация доли промышленности в ВВП этих стран высокая. Большая часть населения доверяет правительству, исключение составляет Алжир.

Седьмой кластер объединил 10 самых богатых стран выборки. ВВП на душу населения в этих странах выше 42 тыс. долл. США. Подавляющее число этих государств являются лютеранскими. Это либеральные общества с краткосрочной ориентацией целей. В них наиболее развита демократия, низкий индекс восприятия коррупции и высокие показатели качества институтов и эффективности управления. Доля доверяющего правительству населения довольно высокая и колеблется от 37% (Исландия) до 72% (Норвегия).

Восьмой кластер содержит 9 высокоразвитых государств мира, подавляющая часть жителей которых являются католиками и протестантами. В этих странах высокий уровень ВВП на душу населения (более 40 тыс. долл. США), более либеральные общественные нормы, значительная долгосрочная ориентация, высокий уровень развития демократии и политических и рыночных институтов. Это страны, в которых рыночная экономика формировалась веками и создала устойчивый фундамент для дальнейшего экономического и промышленного развития. В основном, у них высокая уверенность в действиях правительства, которая, скорее, является следствием их экономических успехов.

Девятый кластер включает 8 стран, которые имеют не очень высокий уровень ВВП (но и не самый низкий), это исламские и католические авторитарные государства с довольно строгими общественными нормами и краткосрочной ориентацией целей, значительным уровнем коррупции, средним уровнем защиты прав собственности, неблагоприятными показателями ведения бизнеса (кроме Таиланда), средним качеством институтов и эффективности управления. Вариация степени доверия к правительству значительна – от 17% (Бразилия) до 84% (Филиппины). Доля промышленности в ВВП в этих странах в среднем выше, чем в предыдущей группе стран.

Качество (точность) кластеризации оценим по индексам Дунна и Дэвиса Булдина, для которых можно осуществить бенчмаркинг с другими группировками по странам (табл. 3).

Таблица 3. Индексы точности кластеризации (бенчмаркинг)

Группировки стран	Индекс Дунна*	Индекс Девиса-Булдина**
Группировка по институциональным индикаторам	0,27	1,07
Группировка Всемирного Банка по уровню доходов	1,02	1,64
Группировка WHO регионы	0,84	1,84

* Высокие значения означают лучшее качество кластеризации

** Низкие значения означают лучшее качество кластеризации

Из табл. 3 можно сделать вывод, что по индексу Дунна кластерный анализ демонстрирует невысокое качество кластеризации (в основном, за счёт перекрытия кластеров) по сравнению с образцовыми группировками, однако индекс Девиса-Булдина даёт лучший результат, чем указанные группировки. Из чего можно сделать вывод, что качество кластеризации является приемлемым для принятия гипотезы о схожести институциональных условий в полученных группах стран.

Выводы

При оценке подходов к формированию промышленной политики в конкретном государстве важным массивом детерминант выступают институты, которые носят дуальный характер: с одной стороны, их характеристики уникальны для каждой страны; с другой – они имеют общую составляющую в рамках отдельных групп стран. Например, страны могут иметь одинаковый тип правовой системы (гражданское или общее право), но свод законов отображает специфику каждой из них.

Наиболее важными институциональными факторами промышленного развития и формирования промышленной политики в исследовании определены демократические институты, защищенные права собственности, эффективные институты разрешения конфликтов и побуждение к выполнению контрактов, отсутствие коррупции и рентоориентированного поведения, эффективное государство, которое должно способствовать формированию конгруэнтной институциональной среды, а также доминирование общественных интересов над частными при принятии решений в государственном управлении. Неотъемлемым элементом восприятия реформ являются также культурные ценности общества, укоренившиеся в его менталитете и составляющие основу глубинных мотивационных механизмов развития. К ним, в частности, отнесены доверие, либерализация устоев, ориентация на настоящее или будущее. Измерение указанных институциональных факторов можно провести лишь на основе существующих индексов, полученных международными организациями с помощью метода экспертных оценок.

По этим институциональным критериям был проведен кластерный анализ 76 стран мира, в ходе которого было выделено 9 групп стран, владеющих общими институциональными признаками. Главной особенностью характеристик этих групп стал тот факт, что в странах каждого кластера подобными оказались и другие институты, а также некоторые макроэкономические показатели, которые не были включены в анализ в качестве институциональных детерминант, а именно: господствующая религия, ВВП на душу населения, уровень безработицы и проч.

Линейной зависимости между экономическим и институциональным развитием не существует – важным является лишь качество институтов. Поэтому разграничение стран с общими институциональными условиями может помочь при сопоставлении их реформ найти те инструменты промышленной политики государства, с помощью которых можно будет достичь необходимых результатов промышленного развития.

Библиография:

1. Айвазов С.Ю. (2012). *Классификация стран по основным показателям развития алмазного рынка*. Экономические науки. №5 (90). С. 162–166
2. Дзюбановська Н.В. (2016) *Застосування кластерного аналізу для оцінки міжнародної торгівлі країн Європейського Союзу*. Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: Економіка. Вип. 3. С. 204–208
3. Длугопольський О.В. (2012). *Інституційний вимір розвитку соціального капіталу: теоретико-методичні та прикладні аспекти*. Економіка України, №12/2012. С. 17–29
4. Кузнецова Н.В. (2015). *Кластерный анализ стран Азиатско-Тихоокеанского региона*. Actual problems of economics. #6 (168). С. 74–83
5. Полтерович В.М. (2001). *Присвоение ренты, налоговая политика и экономический рост*. Препринт #2001/025. М.: Российская экономическая школа. 43 с.
6. *Розвиток промисловості для забезпечення зростання та оновлення української економіки: науково-аналітична доповідь (2018)*. За ред. д-ра екон. наук Дейнеко Л.В.; НАН України, К.: ДУ «Ін-т екон. та прогнозів. НАН України». 158 с.
7. Тилли Ч. (2009). *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М.: ИД «Территория будущего». 328 с.
8. *Democracy index 2017: Free Speech under Attack* (2017). URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2017
9. Grein F. Andreas, Prakash S. Sethi, Tatum G. Lawrence (2010). *A Dynamic Analysis of Country Clusters, the Role of Corruption, and Implications for Global Firms*. Journal of Economics and Business. Vol. XIII, No 2. Amsterdam: Elsevier. P. 33–60

10. Heshmati A., Kim N.-S. (2017). *The Relationship between Economic Growth and Democracy: Alternative Representations and Rechnological Change*. IZA Institute of Labour Economics. URL: <http://ftp.iza.org/dp10880.pdf>
11. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. New York: McGraw Hill. 561 p.
12. *Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update* (2018). New York: UNDP Program. 112 p.
13. Landes D. S. (1998). *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Others Are So Poor*. New York: W.W.Norton&Co. 650 p.
14. Weingast, B. R. (2009). *Why Developing Countries Prove So Resistant to the Rule of Law*. Working Paper No. 382. Stanford: Stanford Center for International Development. 21 p.